

Выступление И.А. Антоновой в апреле 2013 года
на открытии персональной выставки Б. Мессерера
в Государственной Третьяковской галерее

Мне кажется, наступило время самой правильной оценки творчества Бориса Асафовича. Во-первых, он показал свой масштаб, свой диапазон. Ведь он не просто работает как театральный художник. Он не просто занимается живописью, скульптурой, графикой, инсталляцией. Кстати, он практически тот, кто создал, во всяком случае, московскую инсталляцию. Его работа в театре – это работа и в музыкальном театре, и в драматическом.

Он очень тесно связан с литературой. Недаром среди его друзей, и тех, кто пришли на выставку в Бахрушинский музей, и сюда, в Третьяковскую галерею, так много писателей и поэтов.

Он очень многосторонен. Надо сказать, что не так много таких мастеров, которые могут работать с большим успехом и с большими результатами в разных жанрах. Последний год мы видим, как Борис Асафович занялся литературной деятельностью. Вот журналы «Октябрь», где он выступает как писатель. Я должна вам сказать: здесь есть та же сила, та же какая-то значительность, тот же вклад, который мы ощущаем в других жанрах, в которых он действует.

Наконец, Борис Мессерер всегда хорошо владел пластикой. Он работает как скульптор: он сделал памятник Белле Ахмадулиной. Его начинания в этой области тоже очень о многом говорят. Он в развитии, он в движении. Он не подводит итоги, он продолжает свой жизненный путь. Но время оценки наступило сегодня. Я бы сказала, что это один из художников, которые наиболее правдиво, масштабно видят свое время.

Посмотрите на его инсталляции. Они, как правило, очень трагичны, в них есть тот глубокий разлом, который присутствует в нашей жизни в течение многих лет, мы его ощущаем. И он умеет это выразить и в тех инсталляциях, которые мы видели раньше, и в той совсем новой, которую вы увидите сегодня, которая называется «Обыск».

Он ощущает время в его трагизме, в его разладе. Но не только это. Мы видим вещи вдруг – у того же художника: его портреты, его пейзажи, его виды Тарусы – это глубокое лирическое чувство, переживание опять-таки своего времени, своей страны, тех людей, с которыми он встречается. Это еще одна его ипостась. И, наконец, в целом ряде спектаклей, в других видах творчества он настоящий мастер, я бы сказала, постмодернизма, ему присуща глубокая ирония. Но что самое главное: ни в одном из этих направлений и жанров деятельности он не поверхностный, он содержательный. Я не могу сказать, что инсталляция принадлежит к моим излюбленным видам искусства. Я вижу содержательные и пустые вещи, я вижу пустые сопоставления вещей и содержательные. Надо вам сказать, что я вообще вошла в жанр инсталляции как возможного вида искусства, именно знакомясь с творчеством Бориса Мессерера.

Вот такие художники, как Мессерер, на мой взгляд, отражают время глубоко, серьезно, содержательно. Эти художники и останутся как документы нашего времени. Они обязательны, они наиболее чутко, болезненно, драматически слышат наше трагичное время.

Одним из направлений деятельности Бориса Асафовича, конечно, надо назвать его работу как дизайнера, но прежде всего как экспозиционера, как художника, который устраивает и показывает выставки: иногда свой собственный материал на выставках, себя как художника, или показывает искусство других художников и произведения самых разных стран мира. Вот именно в этом качестве более всего наш музей и соприкасается с художником Борисом Мессерером.

Можно сказать, синтез искусств более всего проявляет себя в тех выставках, где он показывает свое творчество. И вот такая выставка 2000 году была показана в нашем музее. Там были показаны и композиции, и натюрморты, живопись, была показана графика и были показаны инсталляции. И, в частности, знаменитая инсталляция «Реквием по Ерофееву». Это работа, в которой удивительное творческое начало было проявлено художником. Эта инсталляция одна из самых содержательных, которые мне когда-либо приходилось видеть. Наверное, самая главная мысль этих инсталляций выражена Беллой Ахмадулиной: в одном из

своих стихотворений, говоря об искусстве Мессерера, она пишет: «Войди же в дом невероятный, где быт – в соседях со Вселенной...». Дом самого художника, его знаменитая мастерская на Поварской, 20, которая и являет собой такой музей быта и Вселенной, где соседствуют старые граммофоны, старые вещи, картины, люди – вот все это вместе. Это удивительное умение связать какие-то привычные, даже, я бы сказала, на первый взгляд малозначимые, как бы художественно неосветленные какие-то вещи со Вселенной.

Я думаю, что в этой необыкновенной разносторонней деятельности, вместе с тем всегда целенаправленной, объединенной каким-то общим пониманием задач искусства, наверное, сыграли роль самые разные слагаемые. Во-первых, генетическая предрасположенность и понимание театра. Его отец – совершенно замечательный артист балета Асаф Мессерер. Разумеется, погруженность в театр с младенческих лет, в частности в Большой театр, где он так много потом работал. С одной стороны, это ощущение, в общем, жизни как театра (это сказали не мы, о том, что жизнь есть театр, сказали великие люди до нас), но это правда, и умение взглянуть на жизнь не по-обывательски скучно, а увидеть в ней вот это представление жизни – это, конечно, идет от тонкого, глубокого и внедренного в сознание художника образа театра. С другой стороны, по образованию Борис Мессерер – архитектор. Меня всегда поражает в его театральных и дизайнерских работах особое чувство пространства.

Каждый раз в нашем музее на каждой выставке мы удивляемся, как находятся возможности для показа тех или иных памятников, объектов, тем более что Борису Асафовичу часто приходится работать в одних и тех же красивых залах, но ведь это одно и то же пространство, где царит колоннада. И каждый раз по-новому вписаться в это пространство – это не так просто.

И в заключение я бы хотела сказать: Борис Асафович много работал в нашем музее, он оформлял многие наши выставки ... но не оформлял – он выступал как художник, как архитектор, дизайнер. Вспомните выставку «Москва – Берлин». Достаточно вспомнить, как он нашел эти два цвета: красный и черный, через которые он провел искусство первых пятидесяти годов XX века – драматическое

время, как мы все помним и знаем. Или его выставка Модильяни. Чуткие к искусству экспозиции зрители, конечно, видели и эти цезуры, и эти подложки, и этот цвет, и общий ритм, проведенный через выставку. Как я не видела на других выставках, кстати: ни в Париже, ни в Лондоне, ни в Италии. Затем его выставки, предположим, от «Джотто до Малевича», посвященные искусству Италии и России. Все это было очень интересно. Он делал выставку Дзеффирелли у нас, выставку Тонино Гуэрры, Феллини – целый ряд совершенно замечательных выставок. И здесь он выступает тоже как мастер. Конечно, генетически он из театра, это понятно. И момент театрального начала имеет место. Кто знает, может быть, это отчасти одно из направлений будущего искусства тоже. Он открывает этот путь, скрещивая разные возможности. Это его ощущение разных видов искусства.